

АЛЕКСАНДРА
ТИМОНОВА

СЛЕД ЧЁРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Александра Тимонова
След черной звезды

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тимонова А.

След черной звезды / А. Тимонова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Герои этой книги — современные горожане, интеллектуалы разных профессий, эрудированные, творческие. Называют себя неформалами или «тусовкой творческой молодёжи», одеваются в стиле хиппи и рокеров, учатся или работают. Любят музыку, сочиняют песни, пишут картины, изготавливают гравюры, имеют иные хобби и увлечения, живут по заветам и идеям русского рока. Книга о взрослении и осознании себя, преодолении кризиса — возрастного, творческого, отношений и семейной жизни, нахождении нового пути, потерях и обретениях, которые переживает каждый человек. Книга рассчитана на широкий круг читателей, в особенности среднего и старшего школьного возраста.

© Тимонова А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Ветер и снег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Тимонова

След черной звезды

Ветер и снег

* * *

Хочется жить. Жить. Просто жить.

Хочется спать нормальное количество часов в сутки. Хочется бросить курить. Хочется бросить пить совсем, даже самое лёгкое вино, даже пиво, чтобы спиртное больше никогда не обжигало внутренности. Хочется, чтобы голос перестал быть таким грубым и хриплым. Хочется улыбаться. Хочется смеяться. Хочется петь песни в мажоре. Хочется радоваться. Хочется любить.

Не хочется быть как все. Не хочется...

...Голова трещит по швам, и череп от боли готов расколоться на части. Перед глазами туман. Ломит суставы. Холодно. Дождь. И насквозь промокли кроссовки и джинсы. Куртка не застёгивается. С волос ручьями льёт ледяная вода. Резко встать нельзя, иначе сознание совсем погаснет, а падать не хочется, не хочется что-нибудь себе сломать, ведь даже если очень попросить, никто не поможет всё равно, все пройдут мимо, всем наплевать...

Хочется домой. Хочется в тёплую ванну. Хочется к маме...

БОЛЬНО!!!

Дэни открыла глаза, и села на постели. Она проснулась от собственного крика – хорошо хоть, что дома никого, отец в командировке, мама у бабушки осталась, никто не услышал, не проснулся, не испугался... Действительно, болела голова, болела нестерпимо, в висках стучало... Раньше Дэни никогда не пыталась убивать боль таблетками, но почувствовала, что сейчас иначе не спастись. Она выбралась из-под одеяла, в комнате родителей открыла шкафчик, где отец хранил лекарства, нашла супермодный «Нурофен», в кухне проглотила две таблетки, запила водой прямо из носика чайника и присела на стул. Потихоньку боль отступала, но спать уже тоже не хотелось. Хотелось кофе. Дэни нашарила в шкафчике банку, две ложки насыпала в турку, залила водой и опустила на плиту. Вспыхнул огонёк, жалкое подобие пламени костра – или пожара. Захотелось курить, но не было сигарет, никаких, даже самых гадких, даже «Беломора». Смех и грех.

Сон. Откуда он? Он приходит уже не впервые, но впервые он так ярок и осязаем. Отражение прошлого в сильно сгущенных красках. Такие моменты бывали не однажды, когда Дэни вот так бродила под дождём, чтобы протрезветь и не являться домой пьяной в дым, бродила с раскалывающейся головой и адской ломотой и дрожью во всём теле, в промокнутой до нитки одежде, со слипшимися грязными волосами. А устав бродить, роняла тело на первую попавшуюся скамейку – и потом боялась подниматься, чувствовала, что упадёт. Упадёт неправильно, сломает себе что-нибудь, а кому дело до пьяного подростка, валяющегося в грязи? Всё это было. Но только теперь к горлу подступила тошнота. Что же это такое? С чего оно началось? Могло ли быть иначе?

Ей было шесть лет, когда она впервые услышала волшебную музыку «Битлз», когда научилась обращаться с проигрывателем и, наконец, читать. Ей было десять, когда ей подарили первый в жизни магнитофон. Так она и жила очень долго в одиноком царстве подростка – отшельника, в тихий книжно-битловский рай которого периодически вламывались Морри-

сон, Блэкмор, Хэтфилд и Планта; пока только вламывались, пока только эпизодически. Ей было тринадцать, когда она впервые услышала отечественный рок, поняв оттуда далеко не всё, но поняв главное: это – её. Ей было четырнадцать, когда успеваемость в школе с отличной покати-лась к посредственной, когда она начала потихоньку заикливаться на чёрном цвете в одежде и в жизни, когда она впервые засиделась во дворе до полуночи, когда она узнала вкус табака. Жизнь сменила размеренный шаг на стремительный бег и покати-лась под откос – с точки зре-ния благопристойных буржуа.

Как всё это началось? С чего? Трудно было теперь вспомнить что-то конкретное. Всё это – музыка, которую сознание готово было принять целиком и полностью. Одноклассник Лёва Карчевский, первая любовь когда-то и лучший друг теперь, затащил её на их первую тусовку. Вечера, подземные переходы, гитара, Цой и Шевчук, Кинчев и Шахрин, Летов, Янка, Башлачёв... Курение – ещё тайком, чтобы не заметили даже одноклассники. Пьянки – ещё не мёртвые, у кого-то дома, в подъезде, в подвале, на улице. Пальцы раз и навсегда сроднились со струнами гитары, и голос, напевавший когда-то песенки из мультфильмов, зазвенел в под-земных переходах. И голова – мысли, чувства, память – рождавшая до этого лишь школьные сочинения, вдруг ни с того ни с сего пролила на бумагу стихи, которые тоже ни с того ни с сего зазвучали песнями, легли на родившиеся вдруг мелодии... Куда-то исчезал контроль. Итогом девятого класса стали почему-то привычные тройки. Повседневностью стали мёртвые пьянки, ночёвки в парадных подъездах, – а родители ничего не говорили. Неужели не знали? Конечно, Дэни оберегала их от любой сомнительной информации о своих похождениях, о своих това-рищах и знакомствах. Боря, Аля, Дима, Валя, Саша, Света – имена без лиц и описаний, зву-чавшие в рассказах в ответ на вопрос «где была». Эти имена почему-то пробуждали доверие отца и мамы. Её отпускали к друзьям ночевать, отпускали в походы – как, почему? Так дове-ряли? Непонятно. Едва протрезвев, она шла в школу, чтобы снова и снова выслушивать там: «Дэни, что с тобой случилось? Ты так изменилась в худшую сторону! Ты же умная девочка, что происходит?...» Педагоги-специалисты, как им трудно распознать этот переходный возраст, эту инициацию – или гибель, если неверно шагнуть. Стоя перед учителями, слушая их, она больше всего беспокоилась о том, чтобы те через обилие мятных конфет и кофейных зёрен не учуяли-таки винно-водочный перегар. Умоляла лишь об одном, всех, от классной руково-дительницы до директора: «Не говорите родителям. Пожалуйста, не говорите. Они пожилые люди, вы только им повредите, а мне не поможет». Почему её слушались взрослые люди? Неизвестно. Когда в конце девятого класса её чуть не вышибли из их английской спецшколы за плохое поведение, её спасло чудо, классная вступилась за неё, классная, которая редко их всех понимала, но всегда защищала перед другими. Тут Дэни и сказала себе: «Баста!»

Собственно, это было ещё не «баста». Ведь остались на месте сборища, выпивки и позд-ние возвращения домой, песни в переходе и зверства на износ, когда ребята выбрасывали ска-мейки в реку. Просто – количество их немного уменьшилось, да мощность поутихомирилась. До лета. Десятый класс постучался в двери и исполнил свою миссию: почему-то и Дэни, и Лёве захотелось доказать всем и каждому, что подросток в косухе, успевший уже кроме уроков и экзаменов узнать и сладость куска хлеба после двухдневного голодания, и живительную сла-дость минералки после большого перепооя, и боль драки, и силу пронизывающего до костей ветра, и звук собственного голоса под сводами подземного перехода, и грязь подвалов и под-воротен, тоже может окончить школу с медалью. Тщеславие, оно тоже не исчезло.

Их бросало по всему городу, районам, спутникам – тусовку, ставшую кругом близких и верных друзей. К ним с Лёвой пришла первая любовь, сумасшедшая, горькая, чистая. Вес-ной, на каникулах, они на неделю сбежали из города, поехали на сейшен всей ватагой за три-ста километров. Там и застряли у новых знакомых на три дня, а потом ещё три дня добира-лись домой, потому что денег на билеты, естественно, не было, ехали в электричках, и они с Лёвой прятались от контролёров в туалете с бутылкой вина, напоминавшего по вкусу ско-

рее микстуру. Ещё неделю Дэни боялась появляться дома и в школе, перед родителями было стыдно, ведь они ей доверяли. Одноклассница Валетта из их компании приносила им домашние задания, объясняла новый материал, они всё делали, они не хотели крушить учёбу, которую даже любили. Они болтались по квартирам друзей, если получалось, по подъездам, по тёплым и холодным чердакам (именно тогда возникла мысль оборудовать тёплый, сухой и никому не нужный подвал Лёвы под уютную каморку), просто по улицам города, стараясь не появляться в своих районах. Романтики чёрного цвета, рано повзрослевшие дети, не расставшиеся с детством до конца взрослые, узнавшие первую любовь вприкуску с сигаретой и запившие её вином, гордо называвшие себя неформалами. Сумасшедшие в глазах большинства.

Дэни по почте послала родителям письмо: просто всё объяснила, извинилась и добавила, что со школой всё в порядке, что успеваемость не пострадает. Когда она, наконец, вернулась домой, был скандал в молчаливой форме, с абсолютно заслуженной карой: родители на неделю просто перестали с ней разговаривать, выход на улицу захлопнулся для неё, вход в квартиру – для всех знакомых и друзей. Через месяц запрет сняли.

Вот он откуда, этот сон, сгущенными красками писаное воспоминание – и эта боль, и этот пронизывающий ветер, и этот ледяной дождь. Они с Лёвой, отбившись от остальных, сидели на вокзале вдвоём, в три часа ночи, пьяные в дым – но дешёвое вино лишь мутило сознание и выворачивало наизнанку желудок, ни капли при этом не согревая. Уставшие, как звери, не спавшие толком почти неделю, практически раздетые в объятиях холодной весны, ведь что такое байка, тоненькая рубашка и куртка со сломанной застёжкой в ансамбле с промокшими кроссовками и джинсами, которые можно выжимать, когда на улице плюс три и льёт гадкий, противный, холодный дождь? Голова раскалывалась от адской боли, и не получалось понять, что этой боли причина. Алкоголь? Голод? Усталость? Ушиб? Хотелось упасть прямо на землю, прямо в лужу и спать, спать, спать – но остатки рассудка понимали, что падать нельзя, что, падая, можно сломать себе что-нибудь, начиная с руки и заканчивая черепом. Хотелось в тепло, хотелось к маме. И вдруг вспыхнула мысль: зачем это всё, почему не жить как все, нормально, без зверств и сумасшествий?.. Вспыхнула и погасла, утонув в потоке полубеспамятства. Тогда Дэни всё-таки упала бы, если бы Лёва не поддержал её, он был чуть менее пьян. Такая вот жертвенно-пьяная любовь...

Эта любовь прошла, когда им обоим стукнуло по семнадцать лет с перерывом ровно в сутки, сначала Дэни, потом Лёве. Прошла – и превратилась в настоящую крепкую дружбу. После бешеного «последнего» лета Дэни «образумилась»: нужно было оканчивать гимназию, готовиться к олимпиадам, поступлению в университет. Она заперлась дома на всю выпускную весну, почти никуда не выходила, учила уроки, читала, пела сама для себя. Лишь изредка она выбиралась гулять – но к десяти возвращалась домой. Она окончила школу с серебряной медалью, Лёва допрыгнул еще выше, до золотой, и поклялся больше никогда не уделять учебе времени больше самого необходимого минимума. На выпускной вечер Дэни пришла закупоренной в чёрный строгий костюм, а, получив свой аттестат, не поленилась сбежать домой и вернуться в косухе, потёртых джинсах, любимых чёрных кроссовках и с рюкзаком за спиной, на котором, как и на майке, горела надпись «Out of my way!». Детская болезнь левизны.

Выпускная ночь прошла на полу в углу, с сигаретой в зубах (никто никого уже не стеснялся и не боялся) и странным ощущением: со всеми хотелось поговорить и в то же время от всех тошнило. Под утро к ней присоединился Лёва. Он был немного пьян, и его потянуло на ностальгию – а Дэни не стала сопротивляться, тем более что сама хотела того же. Эти остатки последней школьной ночи на холодной верхней палубе теплоходика, катавшего вчерашних одноклассников по реке, они провели как влюблённые дети, удивив всех остальных. А когда наступил рассвет, все уже бывшие одноклассники попрощались на берегу, и эти двое ушли вдвоем гулять (Лёва не снял костюма, далеко было ехать домой), целый день бродили, обнявшись за плечи, по городу. Медалисты, призёры областной олимпиады и отличники универси-

тетской, они уже были зачислены в местный университет на исторический факультет, они уже знали, что будут учиться в одной группе. Никто не хотел заглядывать далеко – ведь невозможно поручиться, что завтра тебя не собьёт шальная машина?

– Тебе нужна девушка, Лёва, – задумчиво проговорила Дэни. Они забрели в какой-то двор (может, и здесь тусовались когда-то?) и теперь стояли в тени арки. – Только по настоящему, всерьёз. И чтобы она любила тебя.

Лёва провел рукой по её волосам. Забытое прикосновение жгло пальцы.

– Дэни, а ты меня любила?

– Я и сейчас люблю тебя. И буду любить. Но не так.

– А как?

– Как друг. Как сестра.

Так оно и было. Так оно и было с самого начала – братская любовь, которой им обоим с детства не хватало, потому что оба были единственными в семье детьми. Просто в шестнадцать лет еще трудно отличить одно от другого. Они всегда были нужны друг другу как брат и сестра, и только сейчас – как парень и девушка... Лёва обнял Дэни и проговорил уверенно:

– А тебе нужен парень. Не перебивай, знаю, что ты скажешь, слышал уже. Нужен. Чтобы ты отдалась ему до конца, чтобы на него перекинулся кусочек огня, которым ты пылаешь. Иначе ты сожжёшь себя. Только такого найти непросто.

– А ты был таким?

– А я уже просто перегорел в чём-то. Я могу греться возле тебя, но не гореть, ведь я лёд, а ты беспощадная. Тебе нужен тот, у кого хватит сил, кто отважится гореть вместе с тобой.

Оба умолкли. Слова бессильны, ими всего не скажешь.

– Ты прав. Только вряд ли я такого найду. Не хочу никого сжигать. Не люблю делать кому-то больно.

Снова молчание. На этот раз надолго. Их последнее недружеское объятие.

– Дэни... разреши мне ещё немного потаять рядом. До завтрашнего утра.

– Стоит ли?

– Просто это последний раз, когда ты мне не сестра, а я тебе не брат. И ещё я хочу тебя поцеловать, и знаю, что ты не против.

– Ты прав. И я не против.

Так была перевёрнута ещё одна страница недолгой и странной жизни, странной, наверное, потому что она была собственной. На лето Дэни уехала из города к бабушке, а потом время покатило вперёд в спокойном размеренном темпе. Учёба, в которой чередовались моменты энтузиазма и пофигизма, шла своим чередом: первый курс, второй, отличные оценки, библиотеки, Интернет-клубы. В жизни появился клуб «Что? Где? Когда?», куда её затянул один из одноклассников. Осталась на месте гитара в переходе и песни – свои и чужие... Ей было восемнадцать, когда она обнаружила, что спиртное – не главный составляющий элемент жизни, в нём далеко не всегда есть нужда. Осталось только пиво, иногда приносившее успокоение раздолбанным нервам, или, иногда – шампанское и красное вино. Улыбка практически исчезла с лица. Другие цвета, кроме чёрного, появлялись в одежде всё реже и реже.

В жизни установилось несколько прочных закономерностей, напоминавших бег по кругу; иногда Дэни казалось, что ей не девятнадцать лет, а все сорок девять, и что после бурной юности пришла сразу горькая одинокая старость. Такое ощущение возникало, когда она возвращалась домой из университета или с прогулки, особенно со своих интеллектуальных тренировок, входила в свою комнату, закрывала за собой дверь, бросала на пол рюкзак, вешала на крючок косуху (мама как-то попросила, чтобы косуха и рюкзак не висели в прихожей) – и весь вечер сидела взаперти. Учила что-нибудь, читала работы великих историков и художественную литературу, писала вопросы для игр, играла на гитаре, сочиняла. Иногда, в хорошую погоду, она брала с собой гитару, ехала в какой-нибудь отдалённый район, останавливалась в любом

подземном переходе и пела. Свои песни и чужие, известные и не очень. Её не гоняла милиция, тем более она старалась выбирать переходы, где нечасто ходили патрули. Иногда они с Лёвой просто бродили по городу пешком, нарезаая километры, попивая пиво, натываясь на знакомых, принимая или отклоняя приглашения, вспоминая прошлое и думая о будущем, которое рисовалось им отнюдь не в розовых красках. Вроде бы всё было как всегда и как у людей, но что-то не давало спокойно спать. Что-то душило. Что-то вокруг. Что-то внутри. Что-то мешало дышать полной грудью, и непонятно было, что именно.

Кофе закипел. Дэни с трудом отвлеклась от мыслей. Поднялась, вынула из шкафчика любимую кружку, налила кофе, кружку взяла в руки, грея ладони, устроилась на подоконнике, посмотрела в окно, прижавшись лбом к холодному стеклу. Три часа ночи. За окном ни души, не ходят ни трамваи, ни троллейбусы, ни автобусы, ни люди. Все спят, и лишь немногие сидят сейчас, как она, смотрят в окно и пережёвывают собственные внутренности, борясь с подступающей к горлу тошнотой. Зрительная память услужливо подсунула мыслям фотографию, сделанную месяц назад, в начале октября: тогда что-то стрельнуло Лёве в голову, и они пошли с фотоаппаратом по городу «рисовать художественные портреты», фотографировали друг друга на лужайке, на мосту, на перекрёстках, на трамвайных путях, на ступеньках в подворотнях, подъездах, подвалах. А эта фотография – на фоне резных ворот внутреннего двора одного из старых домов в центре города – была сделана случайно: Лёва побежал вперёд, к киоску за сигаретами, и когда Дэни выходила из двора, позвал её и поймал её взгляд объективом. Как ни странно, вышла эта фотография самой удачной. Чёрные резные ворота с непонятным хаотичным узором, очертания двора за ними, а на их фоне – Дэни, «чёрная дева» (так её в шутку назвал как-то отец) в косухе, на плече отцовский офицерский планшет, в руке блок-флейта Лёвы, чуть загорелое лицо в обрамлении тёмных волос, взгляд исподлобья, но не мрачный, не вызывающий, скорее просто грустный... Дэни эту фотографию вставила в рамочку и повесила на стенку с надписью: «Мне двадцать лет». Вот такая она сейчас. А такой ли должна быть? Да не должна. Хочется быть такой.

Лёва. Вспомнилось его лицо, светлые длинные волосы до плеч, серые глаза, щербатая улыбка (выбили в драке левый верхний клык, сломали один из нижних резцов). Что-то надолго он пропал, уже неделю не появлялся в университете, не звонил. Дэни несколько раз звонила ему сама, но никто не поднимал трубку. Мать Лёвы уехала в санаторий, и никого, кроме него самого, быть дома не могло, так куда же он делся? Затусовался? Умотал с кем-то из города? Ушёл в запой в своём подвале? Возможно абсолютно всё. Надо к нему съездить, хоть Дэни и не любила приходить даже к близким друзьям без приглашения. Если он дома или в подвале, найти его будет легко. А вот если нет...

К чёрту грустные мысли! Глоток горячего кофе обжёт горло, Дэни чуть не поперхнулась и машинально подула на чашку. К чёрту... Когда они приходят хуже татарина, их не так-то легко прогнать.

Её звали Катей, но известна большинству она была, как Бонни, невысокая полненькая девчонка в огромном тёмно-синем комбинезоне, коричневой косухе и забавной формы очках, с зелёными глазами и кудрявой головой. Она тусовалась с ними около года, тогда они были тремя лучшими подругами: Дэни (ей было тогда пятнадцать), девятнадцатилетняя Аля и Бонни. Бонни было двадцать лет, она училась на третьем курсе университета, на факультете психологии, жила в общежитии, иногда ездила к родителям в деревню за двести с чем-то километров от города. Бонни всех поражала: тусовка, казалось, не мешала ей учиться без троек, быть на хорошем счету у преподавателей; Дэни тогда завидовала этому тихой завистью, потому что сама тогда уже привыкла к своим тройкам, да и из школы кандидатом на исключение оказалась тогда же.

Бонни и Аля были стержнем их компании, самыми старшими, опытными, примером для подражания. Что же случилось? Тогда об этом не думалось, зато подумалось теперь. Как могло произойти так, что Бонни, выражаясь языком пошлой лирики, «в одночасье поглотил андеграунд»? Сначала не бросалось в глаза то, что она стала пить больше многих, хотя пьянствовали они тогда все как сапожники, отмахиваясь от вопросов об университете, всё реже уходила ночевать в общежитие, всё чаще вписывалась у кого-нибудь, причём не у Али, хотя та была сиротой, и жила одна, и была Бонни подругой. Потом она с кем-то поехала в Москву, почти никого не предупредив, кроме нескольких абсолютно чужих ребят... Приехали её родители, на неё подали в розыск, все ребята успели побеседовать со следователем, молодым парнем, пытавшимся узнать у них то, о чём они не имели понятия. Оказалось, что Бонни исключили из университета – за систематическую непосещаемость и недосданный в сессию экзамен. Так Бонни исчезла. Просто исчезла и всё. Никто не знал, куда. Можно было лишь сделать вывод, что родители в курсе, где она, потому что больше её никто не искал. То ли уехала домой, то ли затусовалась где-то, то ли вообще погибла, что тоже возможно, хоть и жутко.

Уж не этот ли горький пример заставил в своё время сказать «баста»? Может быть, и он. А может, всё у Бонни хорошо, всё в порядке, живёт себе где-нибудь в другом городе, и вспоминать не хочет ни о каких тусовках, попойках и всём подобном. А с Лёвой ничего плохого не случилось, потому что если бы что-нибудь было не так, его мама даже из санатория подняла бы трезвон, и это значит, что на её звонки он реагирует, или звонит ей первым и сообщает, где он и что с ним. Вывод: причина слишком нестандартная, чтобы даже близких друзей в ней посвящать. А зайти к нему всё равно надо. А сейчас – надо спать. Скоро утро, и встать надо не больше, чем в десять. Спать... Чашка с недопитым кофе пусть остаётся на столе. Завернуться в одеяло, включить магнитофон и под голос Дмитрия Ревякина спокойно заснуть. Спать...

* * *

Подъём. Душ. Завтрак. Записка маме (чтобы не ломала голову, куда делась дочь с утра пораньше). Дэни оделась теплее – всё-таки начало ноября на дворе – и уже в одиннадцать утра выскользнула из дома, абсолютно не имея понятия, когда она туда вернётся. Несколько часов она провела в читальном зале библиотеки, решив просмотреть несколько рекомендованных преподавателями книг по истории России XIX века, а заодно и подготовиться, наконец, к практическим занятиям: средневековая Франция, до боли надоевшая педагогика. Когда всё было сделано, в магазинах как раз закончился обеденный перерыв, и Дэни устроила себе «прогулку по музеям», выбирая подарки к ближайшим дням рождения и в результате забив себе мелочами весь рюкзак: бритва – отцу, «Записки террориста» Савинкова – Лёве, фотоальбом – двоюродной сестре, «Воспоминания» Махно – себе, любимой... Потом состоялся марш-бросок по городу, просто так, без всякой цели, в честь ещё не самой холодной погоды; встретив в переходе нескольких знакомых, Дэни застряла с ними на часок, спела несколько песен, отказалась от выпивки и пошла дальше. Так, к половине восьмого вечера она добралась, наконец, до дома Лёвы (жил он в прямом смысле у чёрта на рогах, на самом краю города, через дорогу там начинался лес). А после того, как был обруган неработающий лифт, пришлось подниматься пешком на одиннадцатый этаж. Вот и проявляй после этого воистину наказуемую инициативу.

Звонок звонил, словно в пустоту. Никто не реагировал, никто не открывал. Позвонив так пять раз, Дэни плюнула и уже повернулась, чтобы уйти, как вдруг за дверью послышался шорох. Для подтверждения Дэни ещё раз нажала на кнопку звонка. Замок щёлкнул, дверь открылась, Лёва высунул лохматую голову и, вздохнув с облегчением, бросил:

– Подожди меня тут, я сейчас выйду.

– Конспиратор чёртов, – пробормотала Дэни и села прямо на ступеньки. – И что у него там за винтоварня, если даже внутрь не пускает?

Через две минуты, в тёплом свитере, кроссовках и с пачкой сигарет в руке Лёва вышел и тяжело плюхнулся рядом с Дэни на ступеньки:

– Вот теперь здравствуй.

– Очень приятно, – не спрашивая разрешения, Дэни вытащила у него из пачки сигарету, прикурила, подала ему спички. – Я ни о чём не спрашиваю, тайны оставляй при себе, если хочешь, но ведь можно же было позвонить и сказать, что с тобой всё в порядке?

– Извини, – смущённо пробормотал Лёва, – я дурак. Просто забыл обо всём на свете.

– Понимаю. Ты ничего мне не расскажешь?

– Почему же? Расскажу. И покажу. Сейчас докурим и пойдём в квартиру.

«Вот вам и кактус-пейот под хвост антилопе». Дэни опустила в кресло. Попытка сохранить спокойное выражение лица успехом не увенчалась.

– Ты меня помнишь? Я Надя, Слоник.

Дэни помнила Надю-Слоника. Два с половиной года назад к ним прибилась эта компания из пяти человек; правда, запомнились только эта Надя и Заяц (имя его так и осталось неизвестным) – школьники-восьмиклассники, выглядевшие старше всех. Они тусовались здесь всё лето, то самое «последнее» лето, весёлые времена, природа, вино и пиво реками, песни до срыва глотки, трава и табак, разгар и агония их с Лёвой первой любви. И вот теперь, почти два с половиной года спустя, та самая Надя-Слоник сидела напротив Дэни, у Лёвы в комнате, на стуле. Совершенно не изменившаяся, такая же большая, только волосы – тогда они были тёмно-русые – теперь стали ярко-рыжими, и это очень Наде шло. То же лицо; может, черты стали чуть острее. Синие джинсы, синий тёплый свитер, в одном ухе три булавки, в другом – пять серёжек, на лбу, ближе к волосам, маленький белый шрам, бледное лицо с беззащитным выражением ярко-зелёных глаз... Ангелочек ростом метр восемьдесят. Кто бы сейчас поверил, что в тринадцать лет этот ангелочек автостопом прокатился несколько тысяч километров по просторам родной страны, провёл лето с ними, и благополучно вернулся домой? Кто бы поверил, что этого ангелочка изнасиловали на пьяном флэту, а он даже не разуверился в людях, хоть и извлёк горький урок из этого кошмара? Кто бы сказал, что два месяца назад этот ангелочек сбежал из дома и снова добрался сюда, причём на этот раз практически в одиночку, если не считать полусумасшедшей подружки? У многих от таких историй обычно шевелятся волосы на голове. А Дэни спокойно слушала. А Надя говорила, словно о чём-то обыденном:

– Мы с Алиской потерялись в каком-то городке, в паре часов на электричке отсюда, не помню, как называется. Там бухали с местными неформалами, какими-то Белым, Зо, Нефом, ещё кем-то, имён не помню. Вообще мало что помню. Утюжили город. Потом в каком-то парадняке, в лифте, вписались, переночевали. Я проснулась: лифт открыт, на улице день, рядом никого и куда кто делся – не знаю. Вышла на улицу, там Неф сидит, на лавочке, во дворе, «Беломор» курит и тоже не знает, куда кто делся. Мы вдвоём на вокзал потусовали, Нефу в деревню было нужно, а я не знала, куда податься. В первую попавшуюся электричку забилась на автопилоте, лишь бы поспать. Проснулась здесь. Хорошо хоть ментам не попалась.

– Мы на вокзале столкнулись, – вставил Лёва. – Меня туда понесло по дороге в библиотеку, хотел диски посмотреть в магазине. Иду, а на лавочке сидит девчонка и окликает меня: «Я тебя знаю, ты Марчелло». А ведь меня так давно уже никто не зовёт. Я и вспомнил...

– Да дальше можете и не рассказывать, всё и так ясно, – проговорила, наконец, Дэни. – Пока твоя мама, Лёва, была здесь, ты вписывал Слоника у себя в подвале. А когда мама уехала в санаторий, ты перетащил её сюда. Как, давно?

– В подвале – месяц уже, – тихо ответила Надя. – А здесь неделю.

– То-то от Лёвы неделю ни слуху ни духу... Ох, чёрт вас, милые мои, побери, что же делать теперь будем?

– Не знаю я, – Надя сжала кулаки. – Меня всё там достало, я не хочу туда возвращаться. Родители и себя, и меня до сумасшедшего дома довести решили, ругаются без конца, сканда-

лят, даже жрут отдельно, из-за чего я вообще голодная хожу. Лучше бы уж развелись, а то друг друга ненавидят, а на мне всё срывают. Я уже в психушке успела поваляться, после того как последний раз сбежала, меня мать туда сдала. Из дома каземат сделали, посадили под домашний арест, ключи отобрали, на четыре замка заперли. Так я как-то подумала: убегу через балкон, разобьюсь, так хоть мучения закончатся. Вещи какие-то в рюкзак бросила, пару денег стащила. А прямо перед окном у меня здоровенный тополь растёт. Как я на него залезла, не знаю, чуть не сорвалась, а этаж седьмой. Чуть руки-ноги не переломала...

– Тебя ищут?

– Не знаю, – у Нади на глазах выступили слёзы. – Ищут, наверное...

– Да даже если и ищут, что с того?! – взорвался вдруг Лёва. – Даже если ищут, здесь ведь всё равно не найдут, здесь её искать в голову никому не взбрёт!

– Лёва, дурень, включи мозги! – вскрикнула Дэни в ответ, но опомнилась. – Простите, ребята, нервы ни к чертям... Да, никому не взбрёт. И сейчас всё почти хорошо. Но, Лёва, не будет же Надя вечно у тебя в подвале сидеть! Документов у неё никаких. Зима на носу. Мама твоя скоро вернётся. А ещё – Надя несовершеннолетняя. И если её найдут с тобой, ты можешь загреметь в места не столь, причём надолго и всерьёз...

Надя молчала, только слёзы всё текли и текли по её щекам. Лёва рванулся к ней, обнял, она вцепилась в него, словно срывающийся с обрыва в надломленную веточку старой горной сосны, и зарыдала – тихо, глухо, страшно. Дэни, оставив их одних, вышла в кухню, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Им, таким «большим и умным», легко кричать с пеной у рта и раскладывать всё по полочкам, что лучше, что хуже. А каково ей, Наде? Она же всё равно ребёнок, несмотря на всё пережитое, от которого и взрослому больно и страшно. Ребёнок, которому одиноко и очень плохо, просто невыносимо там, где человек должен чувствовать себя лучше всего, где ему должно быть теплее, уютнее, роднее – дома, где мать и отец. Как может такое случаться на Земле? Как может возникнуть такой абсурд? Почему внешне хорошая, благополучная семья превращается в ад крошечный для каждого из её членов, как только захлопывается дверь за последним гостем? Откуда берутся это непонимание, эта злоба, эта ненависть между родителями и детьми, эта боль ссор и конфликтов, эти недомолвки, эта ложь, этот страх перед возвращением домой? Кто виноват в этом? Кого призывать к ответу? Кого казнить? Как этого избежать? Снова вопросы, на которые ответа не найдёшь, а за уютной стеной детства не спрячешься.

...Пришлось звонить маме, просить разрешения остаться ночевать у Лёвы. Мама разрешила, что было странно, только сказала с укоризной: «Если вы опять за своё, то на голове не стойте, да глупостей не натворите». Дэни что-то кольнуло внутри. Как объяснить, если тебя не хотят и не могут понять? Мама, прости меня за свои тревоги, за то, что не могу тебя от них уберечь, да ты сама себя от них уберечь не хочешь, ведь это правда...

– Ты пойдёшь завтра в университет? – спросил Лёва. Дэни кивнула и мельком глянула на часы: только что стукнуло двенадцать, Надя уже спала, а они, два полуночника, сидели в кухне и глотали чёрный чай, прекрасно сознавая то, что проснутся завтра с опухшими лицами. Лёва ополоснул чайник, засыпал новую порцию заварки, залил кипятком и тихо сказал:

– Через две недели моя мама возвращается. Опять Надю в подвал вписывать... Не могу больше. Психоз какой-то маниакально-депрессивный. Такое со мной было только в самый первый раз, с тобой, когда мы вдвоём тусовались две недели не пришей кобыле хвост, да и вообще всё, что было... – Слово «любовь» для них давно стало табу применимо друг к другу, поэтому Лёва проглотил его. – И то, тогда всё по колёно было детям горьким, всё было так просто, пьяно. Знаешь, Дэни, ведь мозгам всё ясно: надо просто везти Надю домой, падать её родителям в ноги, пытаться до них достучаться, поговорить, объяснить. Боюсь, просто боюсь. А она – ещё больше. Говорит, что её съедят.

– Лёвушка, прости за вопрос, но что у вас происходит?

– У нас тупик. Ей пятнадцать, а я это постоянно забываю. Вчера лежал ночью, заснуть не мог, смотрел на неё, представил, что её может не быть рядом, так меня просто затрясло... Какой дурдом, Боже мой, какой дурдом! Сказал бы мне кто два года назад, что такое будет ещё возможно в моей жизни, да еще с ней...

Лёва умолк, стиснув в ладонях кружку с чаем. Дэни тоже молчала. Какие, к чёрту, слова? Какие, к чёрту, мысли? Ведь всё ясно – осталось только набраться смелости, чтобы сделать всё правильно. В мыслях родилось жуткое ругательство, просыпалось девятиэтажным матом и улетело прочь. Дэни глотнула чая и прошептала:

– Всё будет хорошо. Этому ребёнку нужен тайм-аут. А тебе, похоже, нужна она. Лишь бы вы оба не ошиблись... Куда ты меня спать положишь? – уже обычным голосом спросила она. Лёва очнулся:

– Диван в зале устроит?

– Нет проблем. Только одеяло дай потеплее. Я последнее время стала просто дикой мерзлячкой.

– Брутальные последствия брутальной юности, – криво усмехнулся Лёва и продолжал уже серьёзно: – Вот сейчас, с Надей, вспомнил нас в том же возрасте. Если бы не остановились, где были бы сейчас?

– А что, мало тебе ответов по городу ползает? Пить вместе начинали, в одном возрасте, а где теперь мы – и где они. Хотя, что лучше – ещё неизвестно.

– Не понял.

– Нет, с точки зрения медицины всё ясно: алкоголизм, разрушение физического здоровья, деградация личности, вероятность рождения детей с отклонениями в развитии. Да, превращаешься в инфузорию туфельку – но как порой хочется себя ею почувствовать! Когда, помню, сидишь на уроке, спать хочется до одури, похмелье мучит, и думаешь лишь об одном: чтобы перегар никто не учуял. А что там учитель грузит, и какая там оценка тебе за четверть светит – ну до фонаря... Эх, до чего же тошно!

– От чего именно? – Лёва поймал себя на мысли, что они никогда не сходили с ума одновременно: если он сам начинал психовать, она становилась хладнокровнее удава, но стоило ей самой сорваться, как он тут же твёрдо вставал на землю и превращался в оплот благоразумия. А Дэни говорила и говорила, словно слова заменяли ей слёзы:

– Да от себя самой в том числе. Такое ощущение, что ложишься в гроб, в котором на уровне глаз вырезано маленькое окошечко, и через это окошечко смотришь на мир. Заколдованный какой-то круг. В своём мирке, как бы он ни был хорош и комфортен, рано или поздно начнёшь задыхаться. А изменить его не так-то просто, и вырваться оттуда – тоже... Короче, помнишь наш диагноз?

Лёва рассмеялся, разряжая тем самым атмосферу. Совсем недавно, в каком-то депрессивно-суицидном разговоре они впервые за долгое время коснулись запретной темы – отсутствия с обеих сторон личной жизни – и сделали вывод, что это не такая уж и мелочь, от которой можно легко отмахнуться... Мелочь. Теперь Лёва с особой силой почувствовал, насколько всё это не мелочь, насколько это важно – найти и не потерять. Пусть это не навсегда, такими словами нельзя швыряться, но сейчас ничего нет важнее. Не потерять. И спасти, как они с Дэни когда-то спасли друг друга. План готов и всем ясно, что надо делать. Лишь бы смелости хватило. У обоих.

* * *

Зима началась очень сурово. В последних числах ноября на город обрушились сильные морозы, посыпался снег. Улицы резко опустели. Даже в центре города мало кого можно было встретить по вечерам, кроме счастливых обладателей собственных машин; все остальные торо-

пились как можно скорее добраться домой, укутаться во что-нибудь мягкое и тёплое, и сесть поближе к горячей батарее. Аля стояла на остановке, ждала троллейбус и уже начинала едва ли не вслух ругать всё на свете: мороз минус двадцать, перебои в движении транспорта по выходным, недостаточно тёплую одежду, не спасавшую от пронизывавшего насквозь ветра, пятиклассников, которые сегодня всерьёз её разозлили... Конечно, кричать на детей – это не выход, но Аля ничего не смогла с собой поделать, ей изменило даже привычное хладнокровие, чуть матом на детей не загнула. Впрочем, всё равно осталось доработать этот учебный год, а там – на вольные хлеба, о профессии учителя можно будет забыть, идти хоть оформителем, хоть посуду расписывать, где подрабатывала студенткой, хоть фотографом в ателье. Бобби и так уже ругает на чём свет стоит эти её два года «последипломной практики», и если сначала Аля ещё пыталась возражать ему (или себе), говорила, что это нормально, нужно, полезно, совсем не страшно, то теперь её аргументы иссякли. Среди её одноклассников, что в училище, что в университете, было много ребят, действительно хотевших идти работать учителями рисования и черчения, и пошли люди, и работают, и довольны теперь, хотя работа (точнее, зарплата и атмосфера в коллективе, хотя у художников в этом плане гораздо все веселее и позитивнее) собачья. А были и те, кто не хотел, но идти оказалось больше некуда, и теперь эти не хотевшие срывали на учениках своё зло неудачников... Действительно, получается, что куда ни кинь, всюду клин.

Мороз откровенно зверел, вместе с ним зверел ветер, и эта гремучая смесь насквозь пронизывала и тёплую куртку, и джинсы, и зимние ботинки, а пальцы в тёплых вязаных перчатках просто коченели. Аля глянула на часы: было уже без десяти девять, она торчала тут, на остановке, уже двадцать пять минут. Как же холодно... Стоп! Кто это идёт к остановке, глядя перед собой и словно ничего вокруг не замечая? Пальто, знакомые волосы из-под шапки выглядывают, да и походка – не перепутаешь... ничего себе встреча!

– Дэни, куда торопишься?

– Аля, ты?!

Аля... Дэни... Старшая сестра и младшая сестрёнка – они не называли друг друга иначе ещё два года назад. И ровно два года не виделись, не виделись вообще, с тех самых пор, как Дэни закупорилась в себе и перестала общаться с кем-либо из старой тусовки, кроме Лёвы, а Аля протерла, наконец, глаза и позволила себе поверить, что Бобби смотрит на неё не только как на друга и собутыльника, а также наплевать на то, что он младше больше чем на два года...

– Давно ждёшь рогатых?

– Двадцать... шесть минут уже. Ничего, скоро что-нибудь придёт. А ты откуда идёшь в такое время?

– Из университета, как ни странно. У меня тренировка по «Что? Где? Когда?» была, а потом мы с ребятами в курилке на полчаса заболтались, вот и... Родители и так волноваться будут, а тут ещё и транспорт тормозит! А ты?

– А я с работы, как ни странно. Пятый класс, вторая смена, «портрет моего соседа по парте».

– Как ты, рассказывай. Как Бобби?

– Бобби... – Аля улыбнулась широкой улыбкой. – Ты даже не представляешь, как хорошо, что я тебя встретила! Понятия ведь не имею, как тебя найти, хоть и живём в одном доме. У нас свадьба через две недели.

– Серьёзно? – ахнула Дэни.

– Серьёзней некуда.

Тут, наконец, подкатил троллейбус. Конечно, в нём было не теплее, чем на улице, но он вёз домой, вёз быстро, к горячей ванне и тёплому пледу. Дэни и Аля устроились рядышком на сидении.

– Слушай, младшая сестрёнка, – спросила вдруг серьёзно Аля, – как это так получилось, что наши дорожки разошлись, что мы так долго не виделись? С моей стороны оправданий два, первое – в нашем доме четырнадцать подъездов, а я никогда не знала ни номера твоей квартиры, ни твоего телефона, как это ни странно, и второе – косвенное, я работаю и, кроме шуток, очень занята, мы ещё ремонт затеяли. Но ты-то куда пропала?

– В прорубь упала, – Дэни виновато улыбнулась. – Виноват, исправлюсь. Ты же знаешь, я всё время боюсь кого-то напярчь, оказаться не вовремя или не к месту. А если совсем честно, то... у меня был какой-то период добровольного затворничества, я почти ни с кем не общалась, кроме Лёвы и своих интеллектуалов, всё это время, разве что в переход иногда вылезали, а так – дом, учёба, тренировки, книги, гитара и ничего больше. Короче, проснулся вредный эгоизм.

– Да, для тебя вредный. Понять можно, но мы без тебя очень скучали.

Дэни снова улыбнулась:

– Я же пообещала, что исправлюсь. Квартира шестьсот шестьдесят семь, я верно помню?

– Совершенно. И телефона по-прежнему нет.

– Мой возьми. Не смейся, это не визитная карточка, это для подобных случаев, когда ручку достать проблема. Так насчёт свадьбы – это не шутка?

– Куда там шутка. Пятнадцатого декабря пойдём в ЗАГС, сочетаться законным браком.

– Как же это вы отважились?

– Чёрт его знает, – Аля тихонько рассмеялась. – У Бобби контакт какой-то не так сконтачил, щёлкнуло в голове что-то, он и пристал: давай поженимся, мои родители души в тебе не чают, чего мы мурыжиться будем. Вот и решили – не мурыжиться.

– Не хочу лезть не в своё дело, но родители Бобби случайно не поставили ему среди прочих условие, что отпустят его к тебе жить, только если у вас в паспортах воцарятся законные штампы?

– Не совсем. Просто на таких условиях они помогли нам с ремонтом. Ты ведь помнишь, у меня разве что потолок не обваливался, а по всему остальному помойка рыдала горькими слезами. А что, случай не первый?

– Так ведь у нас в стране фетишизация разного рода штампов и официальных документов. Готовитесь?

– Я же сказала, ремонт у меня затеяли. Уже почти всё закончили. Потолки и обои переклеили, батареи перекрасили, полы, окна поменяли полностью. Родители Борькины нам новую сантехнику поставили, подбросили денег на обои и на отделку немного. Вот... Линолеум в кухне постелили вместо моей облупившейся краски. А всю последнюю мою зарплату истратили на ковровое покрытие, нашли дешёвое, но такое замечательное, увидишь! Бобби его сейчас к полу прибивает – гвоздями!

– Прямо сейчас? – уточнила с улыбкой Дэни. Аля кивнула:

– Да, именно прямо сейчас! Обещал добить сегодня комнату, чтобы нам было, где спать, надоело у его родителей ночевать. Ладно, сестрёнка, это всё мелочи. Официально приглашаю тебя на свадьбу, письменный вариант на днях найдёшь в почтовом ящике. Готовь наряд! Только умоляю, в джинсах не приходи, мама Бобби с ума сойдёт от такого неуважения к традициям!

– Может, мне ещё вечернее платье надеть, дабы проявить уважение?

– Не ёрничай ты, и не бросайся в крайности. Все наши так же среагировали. Думаешь, мне самой такая охота в свадебное платье закупориваться, хоть оно у меня и простенькое будет? Не намечается пышного торжества, потому что денег нет. Родители Борькины небольшой банкет в кафе проставят, конечно, но именно небольшой.

– Для официальных лиц, так сказать?

– Что-то вроде, ведь будут их близкие родственники, что здесь, в городе, живут. Обещали, что больше десяти гостей подобного рода не появится. У меня так вообще никого родных не осталось. Вот. А вместо второго дня – сейшен у нас дома, как в старые добрые времена, чаша

красного вина по кругу и концерт. Тут уже будут только все наши: Дэм с Валеттой, Сид, Лёша-анархист, Светка с Рэдом, Мона-Лиза, Макс Ассордин... Короче, ты всех помнишь, и без тебя все скучали... Смех и грех, жили в одном доме всё время и столько не виделись... Ты с Лёвой придёшь?

– Думаю, что он захочет. Ты ему приглашение напиши, брось в мой ящик, я ему передам, его всё равно сейчас в городе нет.

– А как он вообще? Я его не видела ещё дольше, чем тебя. У него всё нормально?

– Ох, Аля, и не спрашивай, – Дэни только махнула рукой. Тут объявили их остановку, и девушки, выбравшись из троллейбуса, пошли в сторону своего огромного, изогнутого буквой «S» дома. – Мы с ним друзья, если это тебя интересует, даже скорее брат и сестра, близнецы, которые срослись мозгами. И ещё рискну держать кулаки за судьбу ещё одной пары...

Мечты идиота. Мечты идиота – сумасшедшие, прожигающие изнутри, перерубающие связь с реальностью и уносящие в неведомые дали. Куда они могут привести? И как больно потом возвращаться обратно на землю, осознавая, что всё это – только мечты...

Где-то сейчас мчится сквозь ночь поезд, а в поезде, в плацкартном вагоне – Лёва и Надя. Почему-то Дэни была уверена, что они не спят... какой, к чертям собачьим, сон! Когда сегодня днём провожала их, видела, как у обоих тряслись руки, и дрожал голос. Конечно, страшно. Запасной выход у них был: они могли вернуться сюда и жить с мамой Лёвы (после того памятного разговора они ещё целый месяц тянули резину с отъездом, и мама Лёвы успела довольно близко познакомиться с Надей, и хоть и не поверила, что это у них серьёзно с её сыном, решила дать детям шанс). Но – оставалась одна существенная деталь: Надя ещё несовершеннолетняя, никаких документов у неё нет, шестнадцать ей исполнится только через полгода, в июне, и в течение этих полгода родителей этой лягушки-путешественницы ещё могут оштрафовать за то, что их дочь находится вне дома после одиннадцати вечера. Да и без этого, если посмотреть на ситуацию со стороны, так волосы дыбом встанут. Представьте себе, господа, что ваша пятнадцатилетняя доченька после уже имевших место троек в году (а когда-то была круглой отличницей, и учиться любила), пьяных дебошей, исчезновений из дома с какими-то подозрительными личностями, и прочих художеств подобного рода, снова сбегает из дома, на этот раз через балкон и на полгода, а потом возвращается с неизвестным парнем не очень-то внушающего доверия вида (хотя они давно уже перестали эпатировать публику своей манерой одеваться) и представляет его: «Мама, папа, познакомьтесь, это мой жених». Лёва отдавал себе отчёт, что родители Нади разве что только не убьют его на месте, и что будет очень хорошо, если всё пройдёт в форме обычного скандала, без осложнений в форме с погонами. И легче от этого осознания никому не становилось.

– Даля! Как ты меня напугала, боже мой!

В кухне вспыхнул свет. На пороге стояла мама. Дэни тут же прыгнула с подоконника – она знала, что мама не любит этой её привычки. Мать только покачала головой:

– Ложись спать, девочка, уже почти час.

– Мама, я сейчас лягу. Просто спать не хочется, почитаю ещё.

– Ведь не встанешь завтра.

– Встану, ты ведь разбудишь. А первой парой всё равно бассейн, мне туда не надо, поэтому лишний час сна в запасе. Неужели я тебя разбудила? Я ведь не шумела, нет?

– Нет, отец уже десятый сон видит, так что ты не шумела. Это я просто ещё не спала, вот и заметила, как ты вошла сюда и не вышла, опять кофе на ночь глотать?

– Извини, мамочка. Только не могу обещать, что больше не буду.

– Хотя пора бы. Ладно, пошли спать.

– Мама, подожди. Хочу спросить одну глупость.

– Ох, опять двадцать пять. Спрашивай, Даля.

– Мама, как бы вы с папой среагировали, если бы я вам объявила, что выхожу замуж?

– Как-как? – мать подняла брови. – Я не ослышалась?

Дэни тихо рассмеялась и обняла маму:

– Не волнуйся, мамочка. Ты же знаешь, что я монахиня. Просто интересна твоя реакция.

– Даля, милая, не задавай глупых вопросов.

– Нет, мам, серьезно. Что бы ты сделала?

– Не знаю, Даля, не знаю. Если бы за Лёву твоего, то мы бы с отцом решили, что вы оба окончательно сошли с ума. А если бы за кого-то другого – что ж, пришлось бы потребовать предъявить жениха.

– Предположим, он стоял бы рядом со мной. И вы видели бы его впервые.

– Тогда заодно предположим, что он тоже из ваших тусовщиков, длиннохвостый, в чёрном и так далее?

– Да, предположим... мам, ты только не беспокойся, у меня никого нет, честно, просто интересно. Лично меня такое в ближайшее время не ждёт, а с Лёвой мы вообще давно просто друзья. Так что бы ты сделала? Учитывая...

– Что ещё учитывая?

Дэни опустила глаза:

– Учитывая все мои выходки когда-то.

Мама помолчала немного. А потом посмотрела на дочь снизу вверх (Дэни вымахала ростом метр восемьдесят три и была выше матери больше чем на голову) и тихо ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.